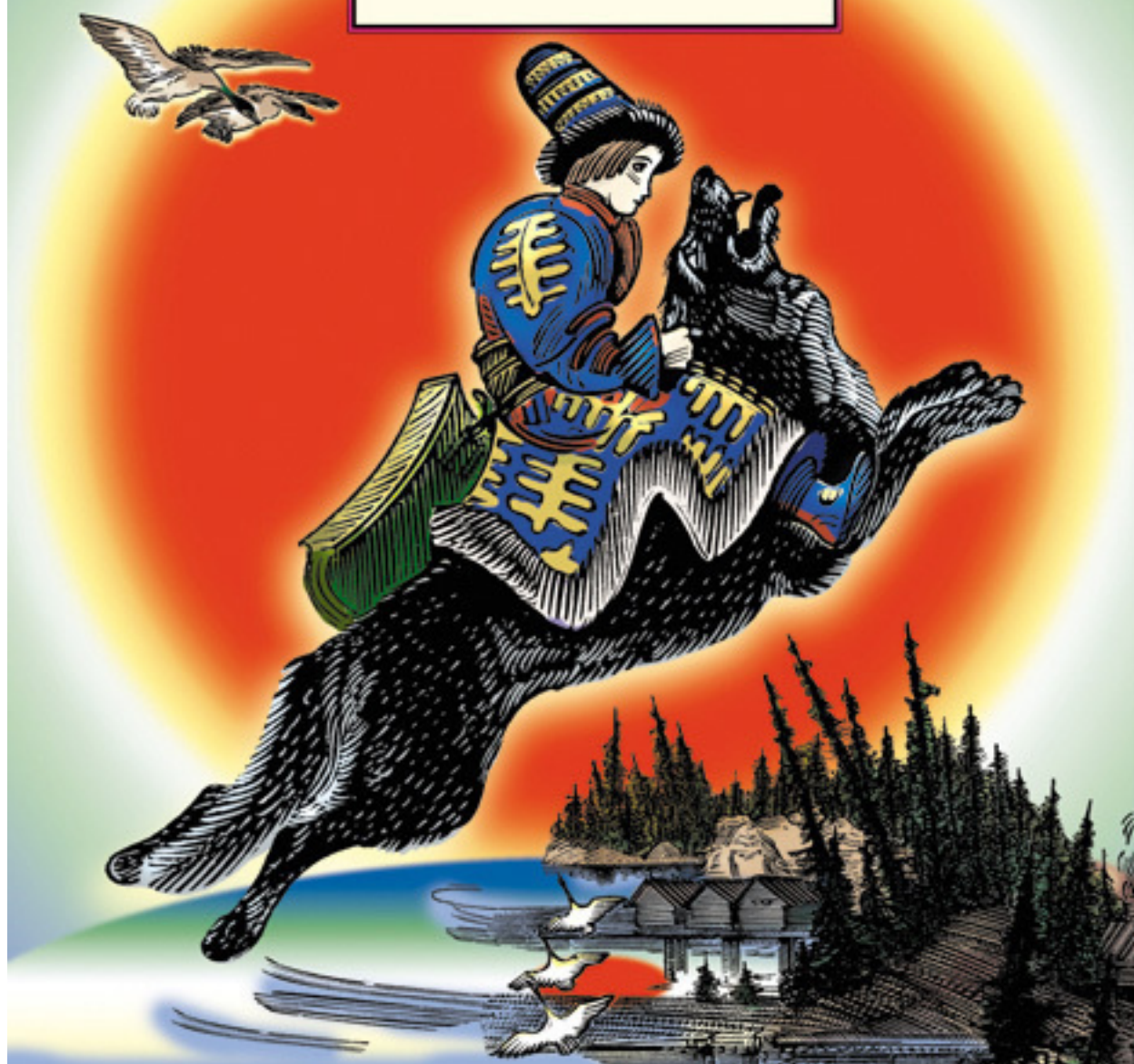

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

**РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

Школьная библиотека (Детская литература)

Сборник
Русские народные сказки

Издательство «Детская литература»

2002

УДК 882-93-3
ББК 84(2Рос=Рус)1-4

Сборник

Русские народные сказки / Сборник — Издательство «Детская литература», 2002 — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 5-08-004044-0

В книгу входят любимые детьми многих поколений русские народные сказки: волшебные, о животных, бытовые.

УДК 882-93-3
ББК 84(2Рос=Рус)1-4

ISBN 5-08-004044-0

© Сборник, 2002
© Издательство «Детская
литература», 2002

Содержание

Русская фольклорная сказка	6
Волшебные сказки	9
Присказка	9
Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что	10
Морской царь и Василиса Премудрая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

В. П. Аникин

Русские народные сказки

© Издательство «Детская литература». Оформление серии, 2002

© В. П. Аникин. Сост., вступ. ст., примеч., 2002

© И. Кузнецов. Рисунки. Наследники

Русская фольклорная сказка

На Руси сказочников называли «ба́харями» (от слова «баять» – говорить, сказывать). В одном древнем документе представлена сцена: отходящего ко сну боярина забавляют рассказыванием сказок. Сказкой тешились и во дворцах. Царь Иван Грозный держал при себе слепцов-рассказчиков. У другого царя – Михаила Федоровича – тоже были бахари-сказочники. Известны их имена: Клим Орефин, Петр Сапогов и Богдан Путята. За умение рассказывать им было пожаловано по четыре аршина сукна и по кафтану. Сказочники развлекали, смешили, учили своих слушателей, но, опасаясь за себя, меняли суть двусмысленных историй. Только среди родственников и близких давали волю остроумию – рассказывали сказки так, как велось издавна. Искусство веселое, затейливое и пленительное, сказки донесли до нас народное свободомыслие.

В сборнике представлены самые разные виды сказок: волшебные, бытовые, сказки о животных. При откровенном вымысле в каждой всегда есть нечто истинное, реальное, во имя чего, собственно, и сказывалась сказка. И это касается всех их, но в первую очередь так называемых волшебных. А тут есть чем увлечься! Иван-царевич попадает на берег моря и видит из-за куста, как прилетают на взморье двенадцать голубиц – ударились о сырую землю и сделались девицами, все до единой красоты несказанной; играют, плещутся, смеются, песни поют... Прилетает в царский сад в полночь Жар-птица. Весь сад осветило, клюет птица золотые яблоки... Идет через чистые поля, темные леса, высокие горы невеста Финиста – ясного сокола, и не трогает ее ни волк, ни медведь – все ей помогают... Найденная в болоте Иваном-царевичем лягушка оказывается прекрасной царевной... Едет царевич по зеленым лугам, каменным горам, куда и ворон костей не заносит, едет за живой водой...

Сказочный мир – особенный. В иной сказке чудо следует за чудом и, как всегда, нет предела вымыслу. В сказке об Андрее-стрельце («Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что») птица-горлица оказывается Марьей-царевной. Андрей попадает «на тот свет» и узнаёт, как поживает там отец царя, – а на покойном царе черти возят дрова. Кот Баюн урчанием за три версты наводит на всю окрестность сон. В незнаемое царство ведет стрелыца чудесный клубочек. Побывал Андрей и в избушке на курьих ножках у Бабы Яги. Чудовищная лягушка-скакушка переносит стрелыца через огненную реку... О многих чудесах говорится, но сквозь вымысел, как и в любой другой сказке, постепенно вырисовываются черты реального мира. У царя власть, и она – источник страданий стрелыца и Марьи. Своеволие, прихоть власть имущего и муки зависимых составляют основу истории. Сказочники не мирились со злом. Злого царя убила чудесная дубинка, стрелец стал править государством. Неправимых бед и несчастий сказочники не знают. Становится возможным невозможное. Чудо служит добру, защищает терпящих бедствие.

В сказках о животных привычно действуют звери и птицы, но как их действия похожи на людские. Сказка не становится иносказанием, но под звериной, птичьей личиной-маской угадываются люди. Персонажи таких сказок общеизвестны: лиса, волк, медведь, заяц, петух, курица, кот, коза, другие звери, птицы. С каждым из них связаны свои истории. Чаще других встречается лиса. Она хитрит, строит козни, губит других, но и сама попадает в опасные поло-

жения – даже гибнет. Ее обманывает петух, она тонет с кувшином, в который засунула голову. Юмор сказок не безмятежен – в них сверкает острая мысль, порой не чуждая и сатиры.

В бытовых сказках выведены настоящие люди – терпящие нужду бедняки, богатые купцы, глупцы и дурачки. Сами по себе герои бытовых сказок, к примеру хитрые солдаты, воры-пройдохи, редко бывают положительными. Они нужны сказочникам, чтобы посмеяться над общечеловеческой простотой и неразумием («Петухан Куриханыч», «Лутонюшка»). Солдат наказывает жадных и глупых людей, верящих небылицам («Солдатская школа»), черт по неразумию попадает в незавидное положение, когда соглашается служить вместо солдата («Солдат и черт»). Особенный вымысел у сказок про Иванушку-дурачка. Народ не превращает дурачка в положительного героя. Идея сказочных историй выражена особенным образом: Иванушка, хотя и дурачок, но честный, добрый, не похожий ни в чем на старших братьев. Народ наделяет его удачливостью, а братья гибнут – их губит жадность. В замысле сказочников наказывать алчных, корыстных людей. Как персонаж Иван-дурачок удобен для выражения пародоксальных идей о прихотливости и превратностях судьбы: тот, кто желал богатства, его не получил, а Ивану оно досталось. Сказочники меняют в конце таких историй и облик дурачка. Емеля из сказки «По щучьему веленью» превращен в красавца царя.

Читая сказку, надо следить не только за развитием действия. Ее художественность и прелесть в тонком искусстве слова, которым дорожили рассказчики. Композиция сказок очень искусна, хотя нет сложных приемов. Таковы сказки с цепевидной композицией о колобке, о репке. Действие в них от эпизода к эпизоду вяжется как цепочка – от звена к звену. Что за мысль стоит за таким строением? Сказочники любят повторения эпизодов – так лучше оттеняется идея истории. В сказке о репке, конечно предназначенной прежде всего дошкольникам, говорится, что в деле никакая сила, даже самая маленькая, не бывает лишней. Долго тянули из земли репку – не могли вытянуть, а прибежала мышка, ухватила за кошку, и вырвали репку.

Композиция, основанная на повторении эпизодов, свойственна и большим по объему сказкам – в них следуют друг за другом одинаковые эпизоды. Трижды выходят на калиновый мост три богатыря-воина: только Ивану – коровьему сыну сопутствуют удачи. Случается, что и обычный герой волшебных сказок – младший брат – только и преодолевает все препятствия, побеждает невзгоды. Однако третий брат бывает и неудачлив. В сказке о сером волке и Иване-царевиче он сначала не может свершить того, что нужно. За дело берется волк. Прием повторения с противопоставлением героев част в сказках, но в каждом случае у него свой смысл. Родная дочь старика, добрая и работящая, противостоит падчерице, злой и ленивой («Морозко»). Сестрица спасает братца от гусей-лебедей, когда соглашается исполнить требования печки, речки и яблоньки: нужда заставляет считаться с обстоятельствами («Гуси-лебеди»).

Похожая композиция и у бытовых сказок, но их отличает вездесущая ирония – противопоставление ситуаций, невероятных и мгновенно меняющихся. Упала в реку и утонула упрямая жена – муж ищет ее, идя против течения. И объясняет, что она всегда все делала наперекор, так что, вероятно, пошла против воды («Жена-спорщица»). Такая композиция сродни поражающей краткости анекдота.

Рассказчики любят слово, его звучанием, его игрой. Это можно заметить, если обратить внимание на то, как говорят герои сказок. Старик рубит дерево – тят-тят по нему топором, и тут выскакивает птичка: «Чивы, чивы, чивычок, чего надо, старичок?»

Звукоподражание птичьему щебету не только в словах «чивы, чивы, чивычок», но и в тех, которые за ними следуют, – в них тоже выделен звук «ч»: «чего», «старичок». Через всю фразу идет: чи-чи-чи-чо-че-чо!

Вылепленный из глины парень просит: «Дай, бабка, молока кадушечку да хлеба мякушечку».

А когда поел все в доме, вышел на улицу и каждому встречному хвастает тем, что съел.

Быку сказал: «Съел я хлеба пять мякушек, молока пять кадушек, бабку с прялкой, дедку с клюшкой – и тебя, бык, съем!»

В этой складной речи рифмуются слова (кадушка – мякушка, кадушечка – мякушечка). Фраза четко делится на части: «бабку с прялкой» – «дедку с клюшкой» и проч.

Плохо жилось лисе, говорится в другой сказке («Лиса-странница»), и надумала она странствовать. Пошла – попался ей навстречу медведь, уговорила лиса и его идти. Потом повстречала волка, зайца, и те пошли. Шли-шли – дошли до широкой и глубокой ямы. Лиса положила жердочку и говорит медведю: «У тебя ноги толстенные, лапы ширококонные: пойдешь – не упадешь!»

Медведь пошел и упал, убился. Убились и волк с зайцем. И каждого лиса по-своему уговаривала идти:

«– Ты, куманек-волчонок, иди. У тебя лапки хорошенькие, когти остренькие – ты удержишься.

– Ты, зайчик-боботунчик, иди. У тебя ножки тоненькие, сам легонький. Скорехонько пробежишь по жердочке».

Много мяса стало у лисы.

Изобразительность в сказочной речи достигается точным отбором слов и таким их расположением во фразе, что мы ясно видим персонажей. Вот мужик из сказки о вершках и корешках отвечает на расспросы медведя, куда везет репу – «корешки»:

«– Мужик, куда ты едешь?

– Еду, медведюшка, в город корешки продавать.

– Дай-ка попробовать – каков корешок?

Мужик дал ему репу.

Медведь как съел:

– А-а! – заревел. – Мужик, обманул ты меня! Твои корешки сладеньки. Теперь не езжай ко мне в лес по дрова, а то заломаю...»

Это живая речь: тут и вопрос, и просьба, и удивление, и угроза.

Немного слов потребовалось сказочнику, чтобы рассказать обо всем. В сказке нельзя переставить или как-то заменить слова без риска утратить живость сцены.

Писатели, бравшиеся за подготовку текста сказок для опубликования в детских сборниках, очень бережно обращались с языком. Алексей Николаевич Толстой, в редакции и обработке которого взяты многие сказки для этого сборника, писал, что важно сохранять «народный язык, остроумие, свежесть, своеобразие, самую манеру рассказа, беседы» – «народный стиль». При неосторожном обращении он пропадает так же, «как дивный и хрупкий рисунок крыльев бабочки исчезает при неуклюжем прикосновении человеческих пальцев».

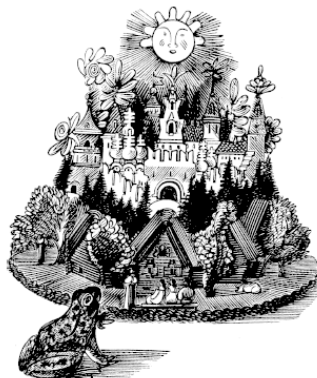
* * *

Все публикуемые сказки взяты из классических и современных сборников. Отдельные слова и обороты поясняются в конце книги. Литературная редакция текста способствует передаче общерусских свойств сказочного фольклора во всем его блеске, образности языка.

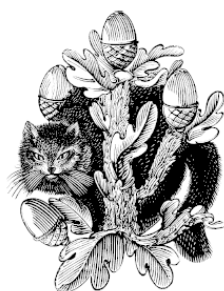
В. П. Аникин

Волшебные сказки

Присказка

Начинается сказка, начинается побаска – сказка добрая, повесть долгая, не от сивки, не от бурки, не от вещего каурки, не от молодецкого посвисту, не от бабьего покрику.

Вот диво – так диво! На море, на океане, на острове Буяне стоит древо – золотые маковки. По этому древу ходит кот Баюн: вверх идет – песню заводит, вниз идет – сказки рассказывает...

Это еще не сказка, а присказка, сказка вся впереди.

Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что

В некотором государстве жил-был царь, холост – не женат. Был у него на службе стрелок по имени Андрей.

Пошел раз Андрей-стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу – не посчастливилось, не мог на дичь напасть. Время было к вечеру, идет он обратно – кручинится. Видит – сидит на дереве горлица.

«Дай, – думает, – стрельну хоть эту».

Стрельнул и ранил ее – свалилась горлица с дерева на сырую землю. Поднял ее Андрей, хотел свернуть ей голову, положить в сумку.

А горлица говорит ему человеческим голосом:

– Не губи меня, Андрей-стрелок, не руби моей головы, возьми меня живую, принеси домой, посади на окошко. Да смотри, как найдет на меня дремота – в ту пору бей меня правой рукой наотмашь: добудешь себе великое счастье.

Удивился Андрей-стрелок: что такое? С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом. Принес он горлицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит дожидается.

Прошло немного времени, горлица положила головку под крылышко и задремала. Андрей вспомнил, что она ему наказывала, ударил ее правой рукой наотмашь. Упала горлица наземь и обернулась девицей, Марьей-царевной, да такой прекрасной, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

Говорит Марья-царевна стрелку:

– Сумел меня взять, умей и удержать – неспешным пирком да за свадебку. Буду тебе честной да веселой женой.

На том они и поладили. Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живет с молодой женой, потешается. А службы не забывает: каждое утро ни свет ни заря идет в лес, настреляет дичи и несет на царскую кухню.

Пожили они так недолго, Марья-царевна говорит:

– Бедно живешь ты, Андрей!

– Да, как сама видишь.

– Добудь-ка рублей сотню, купи на эти деньги разного шелку, я все дело поправлю.

Послушался Андрей, пошел к товарищам, у кого рубль, у кого два занял, накупил разного шелку и принес жене. Марья-царевна взяла шелк и говорит:

– Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна села ткать.

Всю ночь ткала и выткала ковер, какого в целом свете не видывали: на нем все царство расписано, с городами и деревнями, с лесами и нивами, и птицы в небе, и звери на горах, и рыбы в морях; кругом луна и солнце ходят...

Наутро Марья-царевна отдает ковер мужу:

– Понеси на гостинный двор, продай купцам, да смотри – своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери.

Андрей взял ковер, повесил на руку и пошел по гостиным рядам.

Подбегает к нему один купец:

– Послушай, почтенный, сколько спрашиваешь?

– Ты торговый человек, ты и цену давай.

Вот купец думал, думал – не может оценить ковра. Подскочил другой, за ним – еще. Собралась купцов толпа великая, смотрят на ковер, дивуются, а оценить не могут.

В то время проезжал мимо рядов царский советник, и захотелось ему узнать, про что толкует купечество. Вышел из кареты, насилу пропихался через великую толпу и спрашивает:

– Здравствуйте, купцы, заморские гости! О чем речь у вас?

– Так и так, ковра оценить не можем.

Царский советник посмотрел на ковер и сам дался диву:

– Скажи, стрелок, скажи по правде истинной: откуда добыл такой славный ковер?

– Так и так, моя жена вышила.

– Сколько же тебе дать за него?

– А я и сам не знаю. Жена наказала не торговаться: сколько дадут, то и наше.

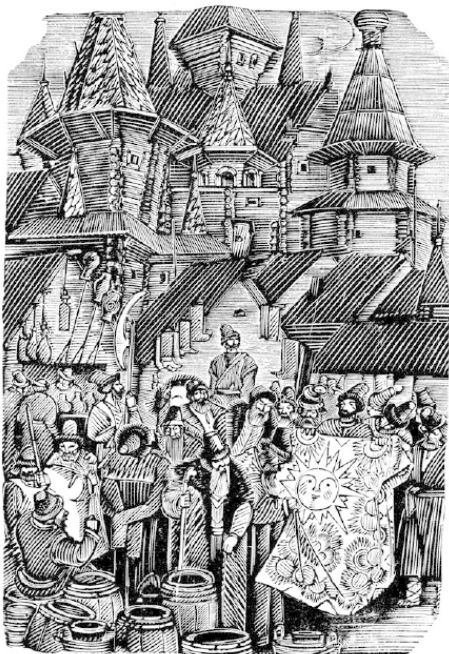
– Ну, вот тебе, стрелок, десять тысяч.

Андрей взял деньги, отдал ковер и пошел домой. А царский советник поехал к царю и показывает ему ковер.

Царь взглянул – на ковре все его царство как на ладони. Он так и ахнул:

– Ну, что хочешь, а ковра я тебе не отдам!

Вынул царь двадцать тысяч рублей и отдает советнику из рук в руки. Советник деньги взял и думает: «Ничего, я себе другой, еще лучше, закажу».

Сел опять в карету и поскакал в слободу. Разыскал избушку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворяет ему. Царский советник одну ногу через порог занес, а другую не переносит, замолчал и про свое дело забыл: стоит перед ним такая красавица, век бы глаз от нее не отвел, все бы смотрел да смотрел.

Марья-царевна ждала, ждала ответа да повернула царского советника за плечи и дверь закрыла. Насилу он опомнился, нехотя поплелся домой. И с той поры и ест – не заест и пьет – не запьет: все ему представляется Стрелкова жена.

Заметил это царь и стал выпрашивать, что за кручина у него такая.

Советник говорит царю:

– Ах, видел я у одного стрелка жену, все о ней думаю! И не запить это, не заесть, никаким зельем не заморозить.

Пришла царю охота самому посмотреть Стрелкову жену. Оделся он в простое платье, поехал в слободу, нашел избенку, где живет Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворила ему. Царь одну ногу через порог занес, другую и не может, совсем онемел: стоит перед ним несказанная красота.

Марья-царевна ждала, ждала ответа, повернула царя за плечи и дверь закрыла.

Защемила царя сердечная зазноба. «Чего, – думает, – хожу холост, не женат? Вот бы жениться на этой красавице! Не стрелчихой ей быть, на роду ей написано быть царицей».

Воротился царь во дворец и задумал думу нехорошую – отбить жену от живого мужа. Призывает он советника и говорит:

– Надумай, как извести Андрея-стрелка. Хочу на его жене жениться. Придумаешь – награжу городами и деревнями и золотой казной, не придумаешь – сниму голову с плеч.

Закручинился царский советник, пошел и нос повесил. Как извести стрелка, не придумает. Да с горя и завернул в кабак винца испить.

Подбегает к нему кабацкая теребень в рваном кафтанишке:

– О чем, царский советник, пригорюнился, зачем нос повесил?

– Поди прочь, кабацкая теребень!

– А ты меня не гони, лучше стаканчик винца поднеси, я тебя на ум наведу.

Поднес ему царский советник стаканчик винца и рассказал про свое горе.

Кабацкая теребень и говорит ему:

– Извести Андрея-стрелка дело нехитрое – сам-то он прост, да жена у него больно хитра. Ну, да мы загадаем загадку такую, что ей не справиться. Воротись к царю и скажи: пускай он пошлет Андрея-стрелка на тот свет узнать, как поживает покойный царь-батюшка. Андрей уйдет и назад не вернется.

Царский советник поблагодарил кабацкую теребень – и бегом к царю:

– Так и так, можно стрелка извести.

И рассказал, куда нужно его послать и зачем. Царь обрадовался, велел позвать Андрея-стрелка.

– Ну, Андрей, служил ты мне верой-правдой, сослужи еще службу: сходи на тот свет, узнай, как поживает мой батюшка. Не то мой меч – твоя голова с плеч.

Андрей воротился домой, сел на лавку и голову повесил. Марья-царевна его спрашивает:

– Что невесел? Или невзгода какая?

Рассказал ей Андрей, какую царь задал ему службу.

Марья-царевна говорит:

– Есть о чем горевать! Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Утром рано, только проснулся Андрей, Марья-царевна дает ему мешок сухарей и золотое колечко.

– Поди к царю и проси себе в товарищи царского советника, а то, скажи, тебе не поверят, что был ты на том свете. А как выйдешь с товарищем в путь-дорогу, брось перед собой колечко, оно тебя доведет.

Андрей взял мешок сухарей и колечко, попрощался с женой и пошел к царю просить себе дорожного товарища. Делать нечего, царь согласился, велел советнику идти с Андреем на тот свет.

Вот они вдвоем и вышли в путь-дорогу. Андрей бросил колечко – оно катится, Андрей идет за ним полями чистыми, мхами-болотами, реками-озерами, а за Андреем царский советник тащится.

Устанут идти, поедят сухарей – и опять в путь.

Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, пришли они в густой, дремучий лес, спустились в глубокий овраг, и тут колечко остановилось.

Андрей и царский советник сели поесть сухарей. Глядь, мимо их на старом-престаром царе два черта дрова везут – большущий воз – и погоняют царя дубинками, один с правого бока, другой с левого.

Андрей говорит:

– Смотри: никак, это наш покойный царь-батюшка?

– Твоя правда, это он самый дрова везет.

Андрей и закричал чертям:

– Эй, господа черти! Освободите мне этого покойничка хоть на малое время, мне нужно кой о чем его расспросить.

Черти отвечают:

– Есть нам время дожидаться! Сами, что ли, дрова повезем?

– А вы возьмите у меня свежего человека на смену.

Ну, черти отпрягли старого царя, на его место впрягли в воз царского советника и давай его с обеих сторон погонять дубинками – тот гнется, а везет.

Андрей стал спрашивать старого царя про его жите-бытье.

– Ах, Андрей-стрелок, – отвечает царь, – плохое мое жите на том свете! Поклонись от меня сыну да скажи, что я накрепко заказываю людей не обижать, а то и с ним то же станется.

Только успели они поговорить, черти уж назад едут с порожней телегой. Андрей попрощался со старым царем, взял у чертей царского советника, и пошли они в обратный путь.

Приходят в свое царство, являются во дворец.

Царь увидал стрелка и в сердцах накинулся на него:

– Как ты смел назад воротиться?

Андрей-стрелок отвечает:

– Так и так, был я на том свете у вашего покойного родителя. Живет он плохо, велел вам кланяться да накрепко наказывал людей не обижать.

– А чем докажешь, что ходил на тот свет и моего родителя видел?

– А тем я докажу, что у вашего советника на спине и теперь еще знаки видны, как его черти дубинками погоняли.

Тут царь уверился, делать нечего – отпустил Андрея домой. А сам говорит советнику:

– Вздумай, как известить стрелка, не то мой меч – твоя голова с плеч.

Пошел царский советник, еще ниже нос повесил. Заходит в кабак, сел за стол, спросил вина. Подбегает к нему кабацкая теребень:

– Что, царский советник, пригорюнился? Поднеси-ка мне стаканчик, я тебя на ум наведу.

Советник поднес ему стаканчик винца и рассказал про свое горе. Кабацкая теребень ему и говорит:

– Воротись назад и скажи царю, чтобы задал он стрелку вот какую службу – ее не то что выполнить, трудно и выдумать: послал бы его за тридевять земель, в тридесятое царство добыть кота Баюна...

Царский советник побежал к царю и рассказал, какую службу задать стрелку, чтобы он назад не вернулся. Царь посылает за Андреем.

– Ну, Андрей, сослужил ты мне службу, сослужи другую: ступай в тридесятое царство и добудь мне кота Баюна. Не то мой меч – твоя голова с плеч.

Пошел Андрей домой, ниже плеч голову повесил и рассказывает жене, какую царь задал ему службу.

– Есть о чем кручиниться! – Марья-царевна говорит. – Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Марья-царевна пошла на кузницу и велела кузнецам сковать три колпака железных, железные клещи и три прута: один железный, другой медный, третий оловянный.

Утром рано Марья-царевна разбудила Андрея:

– Вот тебе три колпака, да клещи и три прута, ступай за тридевять земель, в тридесятое царство. Трех верст не дойдешь, станет одолевать тебя сильный сон – кот Баюн на тебя дремоту напустит. Ты не спи, руку за руку закидывай, ногу за ногу волочи, а где и катком катись. А если уснешь, кот Баюн убьет тебя.

И тут Марья-царевна научила его, как и что делать, и отпустила в дорогу.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается – пришел Андрей-стрелок в тридесятое царство. За три версты стал его одолевать сон. Надевает Андрей на голову три колпака железных, руку за руку закидывает, ногу за ногу волочит – идет, а где и катком катится.

Кое-как выдержал дремоту и очутился у высокого столба.

Кот Баюн увидел Андрея, заворчал, зауркал да со столба прыг ему на голову – один колпак разбил и другой разбил, взялся было за третий. Тут Андрей-стрелок ухватил кота клещами, сволок наземь и давай оглаживать прутьями. Наперво сек железным прутком; изломал железный, принялся угощать медным – и этот изломал и принялся бить оловянным.

Оловянный прут гнется, не ломится, вокруг хребта обвивается. Андрей бьет, а кот Баюн начал сказки рассказывать: про попов, про дьяков, про поповых дочерей. Андрей его не слушает, знай охаживает прутком.

Невмоготу стало коту, видит, что заговорить нельзя, он и взмолился:

– Покинь меня, добрый человек! Что надо, все тебе сделаю.

– А пойдешь со мной?

– Куда хочешь пойду.

Андрей пошел в обратный путь и кота за собой повел. Добрался до своего царства, приходит с котом во дворец и говорит царю:

– Так и так, службу выполнил, добыл вам кота Баюна.

Царь удивился и говорит:

– А ну, кот Баюн, покажи большую страсть.

Тут кот свои когти точит, на царя их ладит, хочет у него белую грудь раздирать, из живого сердце вынимать. Царь испугался:

– Андрей-стрелок, уйми кота Баюна!

Андрей кота унял и в клетку запер, а сам пошел домой, к Марье-царевне. Живет-поживает, тешится с молодой женой. А царя еще пуще знобит зазноба сердечная. Опять призвал он советника:

– Что хочешь придумай, изведи Андрея-стрелка, не то мой меч – твоя голова с плеч.

Царский советник идет прямо в кабак, нашел там кабацкую теребень в рваном кафтанишке и просит его выручить, на ум навести. Кабацкая теребень стаканчик вина выпил, усы вытер.

– Ступай, – говорит, – к царю и скажи: пусть пошлет Андрея-стрелка туда – не знаю куда, принести то – не знаю что. Этой задачи Андрей во веки веков не выполнит и назад не вернется.

Советник побежал к царю и все ему доложил. Царь посылает за Андреем.

– Сослужил ты мне две службы, сослужи третью: сходи туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что. Сослужишь – награжу по-царски, а не то мой меч – твоя голова с плеч.

Пришел Андрей домой, сел на лавку и заплакал. Марья-царевна его спрашивает:

– Что, милый, невесел? Или еще невзгода какая?

– Эх, – говорит, – через твою красу все напасти несусь! Велел мне царь идти туда – не знаю куда, принести то – не знаю что.

– Вот это служба так служба! Ну ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Марья-царевна дождалась ночи, развернула волшебную книгу, читала, читала, бросила книгу и за голову схватилась: про цареву загадку в книге ничего не сказано. Марья-царевна вышла на крыльцо, вынула платочек и махнула. Налетели всякие птицы, набежали всякие звери.

Марья-царевна их спрашивает:

– Звери лесные, птицы поднебесные, вы, звери, всюду рыскаете, вы, птицы, всюду летаете – не слышали ль, как дойти туда – не знаю куда, принести то – не знаю что?

Звери и птицы ответили:

– Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхивали.

Марья-царевна махнула платочком – звери и птицы пропали, как не бывали. Махнула в другой раз – появились перед ней два великана:

– Что угодно? Что надобно?

– Слуги мои верные, отнесите меня на середину Океан-моря.

Подхватили великаны Марью-царевну, отнесли на Океан-море и стали на середине, на самой пучине, – сами стоят, как столбы, а ее на руках держат. Марья-царевна махнула платочком и приплыли к ней все гады и рыбы морские.

– Вы, гады и рыбы морские, вы везде плаваете, на всех островах бываете – не слышали ль, как дойти туда – не знаю куда, принести то – не знаю что?

– Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхали.

Закручинилась Марья-царевна и велела отнести себя домой. Великаны подхватили ее, принесли на Андреев двор, поставили у крыльца.

Утром рано Марья-царевна собрала Андрея в дорогу и дала ему клубок ниток и вышитую ширинку.

– Брось клубок перед собой – куда он покатится, туда и ты иди. Да смотри, куда бы ни пришел, будешь умываться, чужой ширинкой не утирайся, а утирайся моей.

Андрей попрощался с Марьей-царевной, поклонился на четыре стороны и пошел за заставу. Бросил клубок перед собой, клубок покатился – катится да катится, Андрей идет за ним следом.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Много царств и земель прошел Андрей. Клубок катится, нитка от него тянется. Стал клубок маленький, с куриную головочку; вот уж до чего стал маленький, не видно и на дороге. Дошел Андрей до леса, видит – стоит избушка на курьих ножках.

– Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом!

Избушка повернулась, Андрей вошел и видит – на лавке сидит седая старуха, прядет кудель.

– Фу, фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел! Вот изжарю тебя в печи да съем и на косточках покатаюсь.

Андрей отвечает старухе:

– Что ты, старая Баба Яга, станешь есть дорожного человека! Дорожный человек костоват и черен, ты наперед баньку истопи, меня вымой, выпари, тогда и ешь.

Баба Яга истопила баньку. Андрей выпарился, вымылся, достал женину ширинку и стал ею утираться.

Баба Яга спрашивает:

– Откуда у тебя ширинка? Ее моя дочь вышивала.

– Твоя дочь мне жена, мне и ширинку дала.

– Ах, зять возлюбленный, чем же мне тебя потчевать?

Тут Баба Яга собрала ужин, наставила всяких кушаньев и медов. Андрей не чванится – сел за стол, давай уплетать. Баба Яга села рядом. Он ест, она выпрашивает: как он на Марье-царевне женился да живут ли они хорошо? Андрей все рассказал: как женился и как царь послал его туда – не знаю куда, добыть то – не знаю что.

– Вот бы ты помогла мне, бабушка!

– Ах, зятюшка, ведь про это диво дивное даже я не слыхивала. Знает про это одна старая лягушка, живет она в болоте триста лет... Ну ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лег спать, а Баба Яга взяла два голика, полетела на болото и стала звать:

– Бабушка, лягушка-скакушка, жива ли?

– Жива.

– Выдь ко мне из болота.

Старая лягушка вышла из болота, Баба Яга ее спрашивает:

– Знаешь ли, где то – не знаю что?

– Знаю.

– Укажи, сделай милость. Зятю моему дана служба: пойти туда – не знаю куда, взять то – не знаю что.

Лягушка отвечает:

– Я б его проводила, да больно стара, мне туда не допрыгать. Донесет твой зять меня в парном молоке до огненной реки, тогда скажу.

Баба Яга взяла лягушку-скакушку, полетела домой, надоила молока в горшок, посадила туда лягушку и утром рано разбудила Андрея:

– Ну, зять дорогой, одевайся, возьми горшок с парным молоком, в молоке – лягушка, да садись на моего коня, он тебя довезет до огненной реки. Там коня брось и вынимай из горшка лягушку, она тебе скажет.

Андрей оделся, взял горшок, сел на коня Бабы Яги. Долго ли, коротко ли, конь домчал его до огненной реки. Через нее ни зверь не перескочит, ни птица не перелетит.

Андрей слез с коня, лягушка ему говорит:

– Вынь меня, добрый молодец, из горшка, надо нам через реку переправиться.

Андрей вынул лягушку из горшка и пустил наземь.

– Ну, добрый молодец, теперь садись мне на спину.

– Что ты, бабушка, эка маленькая, чай, я тебя задавлю.

– Не бойся, не задавишь. Садись да держись крепче.

Андрей сел на лягушку-скакушку. Начала она дуться. Дулась, дулась – сделалась словно копна сена.

– Крепко ли держишься?

– Крепко, бабушка.

Опять лягушка дулась, дулась – сделалась еще больше, словно стог сена.

– Крепко ли держишься?

– Крепко, бабушка.

Опять она дулась, дулась – стала выше темного леса, да как скакнет – и перепрыгнула через огненную реку, перенесла Андрея на тот берег и сделалась опять маленькой.

– Иди, добрый молодец, по этой тропинке, увидишь терем – не терем, избу – не избу, сарай – не сарай, заходи туда и становись за печью. Там найдешь то – не знаю что.

Андрей пошел по тропинке, видит: старая изба – не изба, тыном обнесена, без окон, без крыльца. Он туда вошел и спрятался за печью.

Вот немного погода застучало, загремело по лесу, и входит в избу мужичок с ноготок, борода с локоток, да как крикнет:

– Эй, сват Наум, есть хочу!

Только крикнул, откуда ни возьмись, появляется стол накрытый, на нем бочонок пива да бык печеный, в боку нож точеный. Мужичок с ноготок, борода с локоток, сел возле быка, вынул нож точеный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать.

Обработал быка до последней косточки, выпил целый бочонок пива.

– Эй, сват Наум, убери объедки!

И вдруг стол пропал, как и не Сбывало, – ни костей, ни бочонка... Андрей дождался, когда уйдет мужичок с ноготок, вышел из-за печки, набрался смелости и позвал:

– Сват Наум, покорми меня...

Только позвал, откуда ни возьмись, появился стол, на нем разные кушанья, закуски и заедки, и меды.

Андрей сел за стол и говорит:

– Сват Наум, садись, брат, со мной, станем есть-пить вместе.

Отвечает ему невидимый голос:

– Спасибо тебе, добрый человек! Столько лет я здесь служу, горелой корки не видывал, а ты меня за стол посадил.

Смотрит Андрей и удивляется: никого не видно, а кушанья со стола словно кто метелкой сметает, пиво и меды сами в ковш наливаются – и скок, скок да скок.

Андрей просит:

– Сват Наум, покажись мне!

– Нет, меня никто не может видеть, я то – не знаю что.

– Сват Наум, хочешь у меня служить?

– Чего не хотеть? Ты, я вижу, человек добрый.

Вот они поели. Андрей и говорит:

– Ну, прибирай все да пойдем со мной.

Пошел Андрей из избенки, оглянулся:

– Сват Наум, ты здесь?

– Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Дошел Андрей до огненной реки, там его дожидается лягушка:

– Добрый молодец, нашел то – не знаю что?

– Нашел, бабушка.

– Садись на меня.

Андрей опять сел на нее, лягушка начала раздуваться, раздулась, скакнула и перенесла его через огненную реку.

Тут он лягушку-скакушку поблагодарил и пошел путем-дорогой в свое царство. Идет, идет, обернется:

– Сват Наум, ты здесь?

– Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Шел, шел Андрей, дорога далека – прибились его резвые ноги, опустились его белые руки.

– Эх, – говорит, – до чего же я уморился!

А сват Наум ему:

– Что же ты мне давно не сказал? Я бы тебя живо на место доставил.

Подхватил Андрея буйный вихрь и понес – горы и леса, города и деревни так внизу и мелькают. Летит Андрей над глубоким морем, и стало ему страшно.

– Сват Наум, передохнуть бы!

Сразу ветер ослаб, и Андрей стал спускаться на море. Глядит – где шумели одни синие волны, появился островок, на островке стоит дворец с золотой крышей, кругом сад прекрасный... Сват Наум говорит Андрею:

– Отдыхай, ешь, пей да на море поглядывай. Будут плыть мимо три купеческих корабля. Ты купцов зазови да угости, употчевай хорошенько – у них есть три диковинки. Ты меня променяй на эти диковинки; не бойся, я к тебе назад вернусь.

Долго ли, коротко ли, с западной стороны плывут три корабля. Корабельщики увидели остров, на нем дворец с золотой крышей и кругом сад прекрасный.

– Что за чудо? – говорят. – Сколько раз мы тут плавали, ничего, кроме синего моря, не видели. Давай пристанем!

Три корабля бросили якоря, три купца-корабельщика сели на легкую лодочку, поплыли к острову. А уж Андрей-стрелок их встречает:

– Пожалуйте, дорогие гости.

Купцы-корабельщики идут дивуются: на тереме крыша как жар горит, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери прыгают.

– Скажи, добрый человек, кто здесь выстроил это чудо чудное?

– Мой слуга, сват Наум, в одну ночь построил.

Андрей повел гостей в терем:

– Эй, сват Наум, собери-ка нам попить, поесть!

Откуда ни возьмись, явился накрытый стол, на нем – кушанья, чего душа захочет. Купцы-корабельщики только ахают.

– Давай, – говорят, – добрый человек, меняться: уступи нам своего слугу, свата Наума, возьми у нас за него любую диковинку.

– Отчего ж не поменяться? А каковы будут ваши диковинки?

Один купец вынимает из-за пазухи дубинку.

– Ей только скажи: «Ну-ка, дубинка, обломай бока этому человеку!» – дубинка сама начнет колотить, какому хочешь силачу обломает бока.

Другой купец вынимает из-под полы топор, повернул его обухом кверху – топор сам начал тпать: тп да ляп – вышел корабль; тп да ляп – еще корабль. С парусами, с пушками, с храбрыми моряками. Корабли плывут, пушки палят, храбры моряки приказа спрашивают.

Повернул топор обухом вниз – сразу корабли пропали, словно их и не было.

Третий купец вынул из кармана дудку, задудел – войско появилось: и конница, и пехота, с ружьями, с пушками. Войска идут, музыка гремит, знамена развеваются, всадники скачут, приказа спрашивают.

Купец задудел с другого конца в дудку – нет ничего, все пропало.

Андрей-стрелок говорит:

– Хороши ваши диковинки, да моя стоит дороже. Хотите меняться – отдавайте мне за моего слугу, свата Наума, все три диковинки.

– Не много ли будет?

– Как знаете, иначе меняться не стану.

Купцы думали, думали: «На что нам дубинка, топор да дудка? Лучше поменяться, со сватом Наумом будем безо всякой заботы день и ночь и сыты и пьяны».

Отдали купцы-корабельщики Андрею дубинку, топор и дудку и кричат:

– Эй, сват Наум, мы тебя берем с собой! Будешь нам служить верой-правдой?

Отвечает им невидимый голос:

– Отчего не служить? Мне все равно, у кого ни жить.

Купцы-корабельщики вернулись на свои корабли и давай пировать – пьют, едят, знай покрикивают:

– Сват Наум, поворачивайся, давай того, давай этого!

Перепились все допьяна, где сидели, там и спать повалились.

А стрелок сидит один в тереме, пригорюнился. «Эх, – думает, – где-то теперь мой верный слуга, сват Наум?»

– Я здесь. Чего надобно?

Андрей обрадовался:

– Сват Наум, не пора ли нам на родную сторонushку, к молодой жене? Отнеси меня домой.

Опять подхватил Андрея вихрь и понес в его царство, на родную сторону.

А купцы проснулись, и захотелось им опохмелиться:

– Эй, сват Наум, собери-ка нам попить-поесть, живо поворачивайся!

Сколько ни звали, ни кричали, все нет толку. Глядят, и острова нет: на месте его шумят одни синие волны.

Погоревали купцы-корабельщики: «Эх, надул нас недобрый человек!» – да делать нечего, подняли паруса и поплыли, куда им было надобно.

А Андрей-стрелок прилетел на родимую сторону, опустилсЯ возле своегодомишки, смотрит: вместодомишки обгорелая труба торчит.

Повесил он голову ниже плеч и пошел из города на синее море, на пустое место. Сел и сидит. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетает сизая горлица, ударилаСя об землю и оборотилась его молодой женой, Марьей-царевной.

Обнялись они, поздоровались, стали друг друга расспрашивать, друг другу рассказывать.

Марья-царевна рассказала:

– С той поры как ты из дому ушел, я сизой горлицей летаю по лесам да по рощам. Царь три раза за мной посылал, да меня не нашли и домишко сожгли.

Андрей говорит:

– Сват Наум, нельзя ли нам на пустом месте у синего моря дворец поставить?

– Отчего нельзя? Сейчас будет исполнено.

Не успели оглянуться – и дворец поспел, да такой славный, лучше царского, кругом зеленый сад, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери скачут.

Взошли Андрей-стрелок с Марьей-царевной во дворец, сели у окошка и разговаривают, друг на друга любятСя. Живут, горя не знают, и день, и другой, и третий.

А царь в то время поехал на охоту, на синее море, и видит – на том месте, где ничего не было, стоит дворец.

– Какой это невежа без спросу вздумал на моей земле строиться?

Побежали гонцы, все разведали и докладывают царю, что тот дворец поставлен Андреем-стрелком и живет он в нем с молодой женой, Марьей-царевной.

Еще пуще разгневался царь, посылает узнать, ходил ли Андрей туда – не знаю куда, принес ли то – не знаю что.

Побежали гонцы, разведали и докладывают:

– Андрей-стрелок ходил туда – не знаю куда и добыл то – не знаю что.

Тут царь и совсем осерчал, приказал собрать войско, идти на взморье, тот дворец разорить дотла, а самого Андрея-стрелка и Марью-царевну предать лютой смерти.

Увидал Андрей, что идет на него сильное войско, скорее схватил топор, повернул его обухом кверху. Топор тЯп да ляп – стоит на море корабль, опять тЯп да ляп – стоит другой корабль. Сто раз тЯпнул, сто кораблей поплыло по синему морю.

Андрей вынул дудку, задудел – появилось войско: и конница, и пехота, с пушками, со знаменами.

Начальники приказа ждут. Андрей приказал начинать сражение. Музыка заиграла, барабаны ударили, полки двинулись. Пехота ломит царских солдат, конница скачет, в плен забирает. А со ста кораблей пушки так и бьют по столичному городу.

Царь видит, войско его бежит, кинулся сам к войску – останавливать. Тут Андрей вынул дубинку:

– Ну-ка, дубинка, обломай бока этому царю!

Дубинка сама пошла колесом, с конца на конец перекидывается по чистому полю; нагнала царя и ударила его в лоб, убила до смерти.

Тут и сражению конец пришел. Повалил из города народ и стал просить Андрея-стрелка, чтобы взял он в свои руки все государство.

Андрей спорить не стал. Устроил пир на весь мир и вместе с Марьей-царевной правил он этим царством до глубокой старости.

Морской царь и Василиса Премудрая

За тридевять земель, в тридесятом государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Поехал царь по чужим землям, по дальним сторонам, долгое время дома не бывал; на ту пору родила ему царица сына, Ивана-царевича, а царь про то и не ведает.

Стал он держать путь в свое государство, стал подъезжать к своей земле, а день-то был жаркий-жаркий, солнце так и пекло! И напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрелся кругом и видит невдалеке большое озеро; подъехал к озеру, слез с коня, прилег на брюхо и давай глотать студеною воду. Пьет и не чувствует беды, а царь морской ухватил его за бороду.

– Пусти! – просит царь.

– Не пущу, не смей пить без моего ведома!

– Какой хочешь возьми откуп – только отпусти!

– Давай то, чего дома не знаешь.

Царь подумал-подумал – чего он дома не знает? Кажись, все знает, все ему ведомо, – и согласился. Попробовал – бороду никто не держит; встал с земли, сел на коня и поехал восвояси.

Вот приезжает домой, царица встречает его с царевичем, такая радостная; а он как узнал про свое милое детище, так и залился горькими слезами. Рассказал царице, как и что с ним было, поплакали вместе, да ведь делать-то нечего, слезами дела не поправишь.

Стали они жить по-старому; а царевич растет себе да растет, словно тесто на опаре – не по дням, а по часам – и вырос большой. «Сколько ни держать при себе, – думает царь, – а отдавать надобно: дело неминуемое!» Взял Ивана-царевича за руку, привел прямо к озеру.

– Поищи здесь, – говорит, – мой перстень; я ненароком вчера обронил.

Оставил одного царевича, а сам повернул домой.

Стал царевич искать перстень, идет по берегу, и попадается ему навстречу старушка.

– Куда идешь, Иван-царевич?

– Отвяжись, не докучай, старая ведьма! И без тебя досадно.

– Ну, оставайся с Богом!

И пошла старушка в сторону.

А Иван-царевич пораздумался: «За что обругал я старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! Авось, что и доброе скажет». И стал ворочать старушку:

– Воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Ведь я с досады вымолвил: заставил меня отец перстень искать, хожу-высматриваю, а перстня нет как нет!

– Не за перстнем ты здесь; отдал тебя отец морскому царю: выйдет морской царь и возьмет тебя с собою в подводное царство.

Горько заплакал царевич.

– Не тужи, Иван-царевич! Будет и на твоей улице праздник; только слушайся меня, старуху. Спрячься вон за тот куст смородины и притаись тихохонько. Прилетят сюда двенадцать голубиц – всё красных девиц, а вслед за ними и тринадцатая; станут в озере купаться; а ты тем временем унеси у последней сорочку и до тех пор не отдавай, пока не подарит она тебе своего колечка. Если не сумеешь этого сделать, ты погиб навеки; у морского царя кругом всего дворца стоит частокोल высокий, на целые на десять верст, и на каждой спице по голове воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!

Иван-царевич поблагодарил старушку, спрятался за смородиновый куст и ждет поры-времени.

Вдруг прилетают двенадцать голубиц; ударились о сыру землю и обернулись красными девицами, все до единой красоты несказанной: ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать! Поскидали платья и пустились в озеро: играют, плещутся, смеются, песни поют.

Вслед за ними прилетела и тринадцатая голубица; ударилась о сыру землю, обернулась красной девицей, сбросила с белого тела сорочку и пошла купаться; и была она всех пригожее, всех красивее!

Долго Иван-царевич не мог отвести очей своих, долго на нее заглядывался да припомнил, что говорила ему старуха, подкрался и унес сорочку.

Вышла из воды красная девица, хватилась – нет сорочки, унес кто-то; бросились все искать; искали, искали – не видать нигде.

– Не ищите, милые сестрицы! Улетайте домой; я сама виновата – недосмотрела, сама и отвечать буду.

Сестрицы – красные девицы ударились о сыру землю, сделались голубицами, взмахнули крыльями и полетели прочь. Осталась одна девица, осмотрелась кругом и промолвила:

– Кто бы ни был таков, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старый человек – будешь мне родной батюшка, коли средних лет – будешь братец любимый, коли ровня мне – будешь милый друг!

Только сказала последнее слово, показался Иван-царевич. Подала она ему золотое колечко и говорит:

– Ах, Иван-царевич! Что давно не приходил? Морской царь на тебя гневается. Вот дорога, что ведет в подводное царство; ступай по ней смело! Там и меня найдешь; ведь я дочь морского царя, Василиса Премудрая.

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетела от царевича.

А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит – и там свет такой же, как у нас; и там поля, и луга, и рощи зеленые, и солнышко греет.

Приходит он к морскому царю. Закричал на него морской царь:

– Что так долго не бывал? За вину твою вот тебе служба: есть у меня пустошь на тридцать верст и в длину и поперек – одни рвы, буераки да каменьё острое! Чтоб к завтраму было там, как ладонь, гладко, и была бы рожь посеяна, и выросла б к раннему утру так высока, чтобы в ней галка могла схорониться. Если того не сделаешь – голова твоя с плеч долой!

Идет Иван-царевич от морского царя, сам слезами обливается. Увидала его в окно из своего терема высокого Василиса Премудрая и спрашивает:

– Здравствуй, Иван-царевич! Что слезами обливаешься?

– Как же мне не плакать? – отвечает царевич. – Заставил меня царь морской за одну ночь сровнять рвы, буераки и каменьё острое и засеять рожью, чтоб к утру она выросла и могла в ней галка спрятаться.

– Это не беда, беда впереди будет. Ложись с Богом спать, утро вечера мудренее, все будет готово!

Лег спать Иван-царевич, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громким голосом:

– Гей вы, слуги мои верные! Ровняйте-ка рвы глубокие, снесите каменьё острое, засевайте рожью колосистою, чтоб к утру поспело.

Проснулся на заре Иван-царевич, глянул – все готово: нет ни рвов, ни буераков, стоит поле, как ладонь, гладкое, и красуется на нем рожь – столь высока, что галка схоронится.

Пошел к морскому царю с докладом.

– Спасибо тебе, – говорит морской царь, – что сумел службу сослужить. Вот тебе другая работа: есть у меня триста скирдов, в каждом скирду по триста копен – всё пшеница белоярая; обмолоти мне к завтраму всю пшеницу чисто-начисто, до единого зернышка, а скирдов не ломай и снопов не разбивай. Если не сделаешь – голова твоя с плеч долой!

– Слушаю, ваше величество! – сказал Иван-царевич; опять идет по двору да слезами обливается.

– О чем горько плачешь? – спрашивает его Василиса Премудрая.

– Как же мне не плакать? Приказал мне царь морской за одну ночь все скирды обмолотить, зерна не оборонить, а скирдов не ломать и снопов не разбивать.

– Это не беда, беда впереди будет! Ложись спать с Богом: утро вечера мудренее.

Царевич лег спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

– Гей вы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть – все ползите сюда и повыберите зерно из батюшкиных скирдов чисто-начисто.

Поутру зовет морской царь Ивана-царевича:

– Сослужил ли службу?

– Сослужил, ваше величество!

– Пойдем посмотрим.

Пришли на гумно – все скирды стоят нетронуты, пришли в житницы – все закрома полнехоньки зерном.

– Спасибо тебе, брат! – сказал морской царь. – Сделай мне еще церковь из чистого воску, чтобы к рассвету была готова: это будет твоя последняя служба.

Опять идет Иван-царевич по двору, слезами умывается.

– О чем горько плачешь? – спрашивает его из высокого терема Василиса Премудрая.

– Как мне не плакать, доброму молодцу? Приказал морской царь за одну ночь сделать церковь из чистого воску.

– Ну, это еще не беда, беда впереди будет. Ложись-ка спать; утро вечера мудренее.

Царевич улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

– Гей вы, пчелы работающие! Сколько вас на белом свете ни есть, все летите сюда и слепите из чистого воску церковь Божию, чтоб к утру была готова!

Поутру встал Иван-царевич, глянул – стоит церковь из чистого воску, и пошел к морскому царю с докладом.

– Спасибо тебе, Иван-царевич! Каких слуг у меня ни было, никто не сумел так угодить, как ты. Будь же за то моим наследником, всего царства сберегателем; выбирай себе любую из тринадцати дочерей моих в жены.

Иван-царевич выбрал Василису Премудрую; тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня.

Ни много ни мало прошло времени, стосковался Иван-царевич по своим родителям, захотелось ему на святую Русь.

– Что так грустен, Иван-царевич?

– Ах, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотелось на святую Русь.

– Вот это беда пришла! Если уйдем мы, будет за нами погоня великая; морской царь разгневается и предаст нас смерти. Надо ухитриться!

Плюнула Василиса Премудрая в трех углах, заперла двери в своем тереме и побежала с Иваном-царевичем на святую Русь.

На другой день ранехонько приходят посланные от морского царя – молодых подымать, во дворец к царю звать. Стучатся в двери:

– Проснитесь, пробудитесь! Вас батюшка зовет.

– Еще рано, мы не выспались; приходите после! – отвечает одна слюнка.

Вот посланные ушли, обождали час-другой и опять стучатся:

– Не пора-время спать, пора-время вставать!

– Погодите немного: встанем, оденемся! – отвечает вторая слюнка.

В третий раз приходят посланные:

– Царь-де морской гневается, зачем так долго они прохлаждаются.

– Сейчас будем! – отвечает третья слюнка.

Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться: нет отклика, нет отзова! Выломали двери, а в тереме пусто.

Доложили царю, что молодые убежали; озлобился он и послал за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая с Иваном-царевичем уже далеко-далеко! Скачут на борзых конях без остановки, без роздыху.

– Ну-ка, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич соскочил с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

– Слышу я людскую молвь и конский топ!

– Это за нами гонят! – сказала Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зеленым лугом, Ивана-царевича – старым пастухом, а сама сделалась смирной овечкою.

Наезжает погоня:

– Эй, старичок! Не видал ли ты – не проскакал ли здесь добрый молодец с красной девицей?

– Нет, люди добрые, не видал, – отвечает Иван-царевич, – сорок лет как пасу на этом месте – ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Воротилась погоня назад:

– Ваше царское величество! Никого в пути не наехали, видали только: пастух овечку пасет.

– Что ж не хватали? Ведь это они были! – закричал морской царь и послал новую погоню.

А Иван-царевич с Василисою Премудрою давным-давно скачут на борзых конях.

– Ну, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич слез с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

– Слышу я людскую молвь и конский топ.

– Это за нами гонят! – сказала Василиса Премудрая; сама сделалась церковью, Ивана-царевича обратила стареньким попом, а лошадей – деревьями.

Наезжает погоня:

– Эй, батюшка! Не видал ли ты, не проходил ли здесь пастух с овечкою?

– Нет, люди добрые, не видал; сорок лет тружусь в этой церкви – ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал.

Повернула погоня назад:

– Ваше царское величество! Нигде не нашли пастуха с овечкою; только в пути и видели, что церковь да попа-старика.

– Что же вы церковь не разломали, попа не захватили? Ведь это они самые были! – закричал морской царь и сам поскакал вдогонь за Иваном-царевичем и Василисою Премудрою.

А они далеко уехали.

Опять говорит Василиса Премудрая:

– Иван-царевич! Припади к сырой земле – не слышать ли погони?

Слез Иван-царевич с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

– Слышу я людскую молвь и конский топ пуще прежнего.

– Это сам царь скачет.

Оборотила Василиса Премудрая коней озером, Ивана-царевича – селезнем, а сама сделалась уткою.

Прискакал царь морской к озеру, тотчас догадался, кто таковы утка и селезень; ударился о сыру землю и обернулся орлом. Хочет орел убить их до смерти, да не тут-то было: что не

разлетится сверху... вот-вот ударит селезня, а селезень в воду нырнет; вот-вот ударит утку, а утка в воду нырнет! Бился, бился, так ничего и не смог сделать.

Поскакал царь морской в свое подводное царство, а Василиса Премудрая с Иваном-царевичем выждали доброе время и поехали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, приехали они в тридесятое царство.

– Подожди меня в этом лесочке, – говорит Иван-царевич Василисе Премудрой, – я пойду доложусь наперед отцу, матери.

– Ты меня забудешь, Иван-царевич!

– Нет, не забуду.

– Нет, Иван-царевич, не говори, позабудешь! Вспомни обо мне хоть тогда, как станут два голубка в окна биться!

Пришел Иван-царевич во дворец; увидели его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его; на радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую.

Живет день и другой с отцом, с матерью, а на третий задумал свататься к какой-то королевне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.